

© 1997 г.

КИММЕРИЙЦЫ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ*

(По поводу монографии: A.I. Ivantchik. Les Cimmériens au Proche-Orient. Editions Universitaires. Fribourg, Suisse, Vandenhoeck und Ruprecht. Göttingen, 1993 (Orbis Biblicus et Orientalis, Bd 127). 325 p. (Русское издание: А.И. Иванчик. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н.э. М., 1996)

Интерес, издавна проявляемый отечественной исторической наукой к киммерийцам на протяжении многих десятилетий, определялся в первую очередь той оценкой их места в истории, которая в свое время была четко сформулирована А.И. Тереножкиным: «Киммерийцы являются древнейшим из числа известных по своему имени народов, обитавших в Европе к северу от Черного моря и Дуная»¹. Базирующееся на античной традиции – прежде всего на свидетельствах Геродота – это представление об истории киммерийцев как о древнейшей странице этнической истории Восточной Европы, отраженной не только в археологических, но и в вербальных источниках, обусловило подход к киммерийской проблеме как к комплексной: любые ее разработки предпринимались на основе сопоставления письменных (как античных, так и древневосточных) и археологических данных.

На практике, однако, реализация такого подхода в нашей специальной литературе страдала тем же существенным недостатком, который был отмечен одним из авторов данной статьи применительно к смежной – скифской – проблеме, в работах отечественных ученых неразрывно связанной (благодаря нарисованной античными авторами картине взаимоотношений скифов и киммерийцев) с проблемой киммерийской. Недостаток этот состоит в том, что при сопоставлении представляющих интерес в указанном контексте разноприродных данных «...материалы археологии именно и с с л е д у ю т с я, а письменные источники скорее лишь п р и в л е к а ю т с я (к тому же нередко далеко не в полном объеме)»². Не случайно оставшаяся до последнего времени единственной отечественной монографией о киммерийцах – уже цитированный труд А.И. Тереножкина – принадлежит перу археолога и содержит подробную сводку и детальный анализ археологических комплексов, оставленных, по мысли автора, киммерийцами, тогда как нарративные данные об этом народе лишь кратко излагаются на нескольких страницах ее вводной и заключительной глав.

* Данная работа выполнена в рамках реализации научного проекта, осуществляемого при финансовой поддержке Международного научного фонда.

¹ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 7.

² Грантовский Э.А. Выступление на Круглом столе «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии» // НАА. 1980. № 6. С. 68. Применительно к киммерийской проблеме сказанное в несколько меньшей степени, чем к античным свидетельствам, относится к древневосточным текстам, поскольку содержащиеся в них сообщения о киммерийцах рассматривались, как правило, не сами по себе, а в контексте изучения тех областей древнего Востока, где эти тексты фиксируют пребывание киммерийцев; см., например: Дьяконов И.М. История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.-Л., 1956; он же. Ассириовавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951. № 2, 3 (далее – АВВИУ). Естественно, однако, что при высоком профессионализме анализа этих текстов в таких работах интересующий нас аспект их содержания оказывался все же на периферии внимания исследователя. Те же, кто обращался к этой проблеме специально, чаще всего в силу своей профессиональной ориентации могли пользоваться лишь результатами этого осмысления.

Устранить эти пробелы и перекосы в разработке киммерийской проблемы призваны две недавно опубликованные монографии российских исследователей, специально посвященные киммерийцам, основанные на тщательном изучении источников разных категорий и потому удачно дополняющие друг друга. Коллективная работа трех петербургских авторов³ включает осуществленный С.Р. Тохтасьевым детальный источниковедческий и содержательный анализ античной литературной традиции о киммерийцах, а также очерк, посвященный археологическим аспектам киммерийской проблемы, написанный А.Ю. Алексеевым и Н.К. Качаловой. В этой работе, таким образом, охвачены две из трех групп источников, традиционно привлекаемых при рассмотрении вопроса о киммерийцах. В основном вне поля зрения авторов остались источники третьей группы – древневосточные тексты. Зато именно они составили предмет исследования в монографии А.И. Иванчика «Киммерийцы в Передней Азии»⁴, которой и посвящена данная статья. Конечно, автор не мог вовсе отказаться от привлечения античных свидетельств, особенно в тех разделах работы, которые посвящены заключительному этапу пребывания киммерийцев на Ближнем Востоке. Но главным объектом его внимания являются клинописные тексты. В целом же две названные монографии в совокупности рисуют картину, беспрецедентно полную по охвату привлеченных данных, и их выход служит хорошим поводом для обсуждения различных аспектов киммерийской проблемы и основательной базой для ее дальнейшей разработки⁵.

Начать такой разговор с обсуждения работы А.И. Иванчика представляется целесообразным по ряду причин. Неоднократно отмечалось, что источники трех названных категорий освещают киммерийскую проблему с разной мерой полноты и достоверности. Археологические материалы, при всей их важности, выступают здесь в определенном отношении как вторичные, ибо сам выбор привлекаемого в таком контексте круга памятников диктуется предшествующей ему трактовкой нарративных данных, что, конечно, не исключает последующего внесения в эту трактовку определенных коррективов, базирующихся уже на археологической информации. Что касается самих вербальных источников, то античная традиция, претендующая на освещение самых разных сторон киммерийской истории, сложилась, как известно, много позже описываемого в ней периода в отличие от ассирийских текстов, в целом синхронных упоминаемым в них событиям. Зато клинописные источники вообще не содержат информации о ранних этапах истории киммерийцев (о локализации их прародины, о причинах, путях и способе их проникновения в страны Ближнего Востока и т.д.) и освещают по существу лишь одну – собственно переднеазиатскую – страницу этой истории. Тем не менее, по мнению А.И. Иванчика (с. 10 = с. 12)⁶, изучение именно

³ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993 (публикация Информационно-исследовательского института «Ермаков». Малая серия. Вып. I).

⁴ Настоящая статья была завершена в начале 1995 г., и одной из ее задач было познакомить российского читателя с мало ему доступной, но представляющей несомненный интерес изданной за рубежом монографией нашего соотечественника на тему, активно разрабатываемую в отечественной науке. Мы выражали надежду, что эта работа будет опубликована и в России. Сейчас такая публикация уже увидела свет. Автор, знакомый с нашей статьей, учел некоторые из содержащихся в ней замечаний и отметил свое несогласие с другими. Однако мы сочли нецелесообразным вносить в статью радикальные изменения, тем более что один из ее авторов, Э.А. Грантовский, уже не может принять участие в такой переработке.

⁵ Одновременно с названными монографиями или чуть позже появились и другие работы, в большей или меньшей степени связанные с киммерийской проблемой. Так, можно назвать монографию: Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. Те же вопросы затрагивали многие участники дискуссии, развернутой на страницах журнала «Российская археология» (1993. № 2; 1994. № 1, 3) вокруг статьи И.Н. Медведской «Периодизация скифской архаики и древний Восток» (РА, 1992. № 3). Все это показывает актуальность широкого обсуждения данной проблемы. Мы, разумеется, не претендуем на полный ее охват.

⁶ Далее ссылки на обсуждаемую книгу даются непосредственно в тексте. Дабы избежать обратного перевода, цитаты из монографии А.И. Иванчика первоначально, как правило, давались по любезно предоставленной нам автором рукописи русскоязычной версии его труда – за исключением тех случаев, когда между ней и опубликованным французским вариантом имелись смысловые расхождения. Сейчас они

этих документов ценно не только само по себе, но и «является главным способом определения достоверности данных античных текстов и отделения в них фактов от более поздних домыслов и ученых теорий». Итак, в определенных аспектах клинописные источники по истории киммерийцев обладают приоритетом по отношению ко всем прочим.

Книга А.И. Иванчика состоит из двух частей. Часть I – «История киммерийцев» – содержит анализ и интерпретацию имеющихся в древневосточных текстах свидетельств по исследуемой теме, тогда как часть II представляет собой корпус самих аккадских текстов, упоминающих киммерийцев. Можно без преувеличения назвать появление такого тематически выдержанного свода, базирующегося на всех предшествующих публикациях надписей и учитывающего новейшие достижения в их изучении (в том числе новые находки), этапным событием в разработке киммерийской проблемы. До последнего времени причастные к ней отечественные исследователи из смежных областей исторической науки обращались по преимуществу к уже упомянутому своду И.М. Дьяконова (АВИИУ). Но свод этот был составлен достаточно давно и уже потому не является на сегодняшний день полным. К тому же он не содержит наряду с переводами текстов их транслитераций и, наконец, не ориентирован на собственно киммерийскую проблематику, остававшуюся для составителя периферийной. В посвященных киммерийцам работах постепенно накапливались искажения источников, в частности, происходило смешение реально содержащихся в них свидетельств о киммерийцах и восстанавливаемых пассажей. А.И. Иванчик подчеркивает, что те тексты, в которых имя киммерийцев лишь реконструируется, в его корпус не включены (с. 13 = с. 15). Утверждение это, впрочем, не вполне точно, ибо мы находим здесь и те документы, где, по мнению составителя, подобные восстановления бесспорны благодаря существованию других аналогичных текстов (см., например, документы № 23, 28 и др.). Но располагая столь тщательной публикацией, читатель легко определит степень сохранности текстов.

Нужно сказать, что появление данного корпуса важно не только с точки зрения перспектив разработки киммерийской проблемы, но позволяет читателю более основательно подойти к историческим построениям самого А.И. Иванчика, содержащимся в первой части его работы, ибо демонстрирует их источниковую базу. В этой связи хотелось бы отметить один формальный недостаток франкоязычного варианта книги. Все ссылки на клинописные тексты даются в ней под номерами, приданными этим текстам в предшествующих публикациях, и лишь при первом упоминании (и то не всегда) дается отсылка к номеру соответствующего документа в прилагаемом корпусе. Это весьма затрудняет использование корпуса при чтении работы. Логичнее было бы следовать обратному порядку: при первом упоминании документа в тексте (и в комментариях в самом корпусе) дать ссылку на все авторитетные его публикации, а в дальнейшем оперировать уже номером по собственному корпусу. В русской публикации этот недостаток устранен. Именно такие ссылки даются и в нашей статье.

Все включенные в свод надписи снабжены комментариями. Здесь, однако, можно было бы поспорить о правомерности принципа, которым руководствовался автор, вынося определенную информацию в комментарий, а другую – в исследовательскую часть монографии. Так, при комментировании запросов к оракулу Шамаша большее внимания уделено смысловому аспекту (был ли оракул положительным или отрицательным), чем формальным данным об источнике – основанию для восстановления лакун, контексту интересующего нас сообщения и т.д. Порой лишь в исследовании, а не в комментариях к корпусу можно найти и данные о датировке как самого документа, так и упоминаемого в нем события. Между тем рассматриваемый корпус – не просто приложение к определенному исследованию. Он, как уже отмечено, имеет

сверены с опубликованным русским текстом, на который также даны ссылки – вторая цифра в тех же скобках, что и ссылка на франкоязычное издание. В случае расхождения между двумя вариантами цитируется, как правило, французский текст.

самостоятельную ценность, и стоило бы подумать о тех читателях, которые в дальнейшем будут обращаться именно к нему (в том числе – как к справочному изданию).

Наконец, сделаем одно замечание к составу корпуса в франкоязычном издании. А.И. Иванчик отмечает (с. 13 = с. 15), что тесная связь между упоминаниями в надписях киммерийцев и скифов и существование в научной литературе гипотезы, согласно которой этноним «киммерийцы» часто обозначает здесь реальных скифов, побудили его включить в свод и надписи, упоминающие скифов. К сожалению, этот принцип был выдержан лишь в отношении одной группы текстов – запросов к оракулу Шамаша. В результате мы не находим здесь такого важнейшего источника, как пассаж из анналов Асархаддона, содержащий древнейшее известное в клинописных текстах упоминание скифов и их предводителя Ишпакая (см. АВИИУ. № 65), хотя смысловая связь между ним и свидетельствами о киммерийцах может оказаться по крайней мере не менее тесной, чем в упомянутых запросах (подробнее об этом аспекте киммерийской проблемы см. ниже). В русском издании это упущение исправлено⁷. Повторим, однако, то, что ограничиваясь этими, во многом формальными, замечаниями к составленному А.И. Иванчиком корпусу ассирийских свидетельств о киммерийцах, мы, безусловно, приветствуем его появление.

Обратимся теперь к предпринятой автором интерпретации таких свидетельств. Нет сомнений, что это – первый в отечественной науке опыт столь детальной реконструкции истории пребывания киммерийцев в Передней Азии. Весьма существенно, что А.И. Иванчик очень внимательно подошел к вопросу о природе имеющихся в нашем распоряжении данных на этот счет. Так, принципиально важно его замечание о различной жанровой принадлежности упоминающих киммерийцев клинописных текстов (с. 10–11 = с. 12–13) – о неравноценной исторической информативности написанных «высоким стилем» и зачастую подвергшихся конъюнктурной редактуре анналов, с одной стороны, и «предназначенной для внутреннего пользования, а не для общения с богами» переписки – с другой. В то же время, как уже говорилось, автор отдает несомненное предпочтение с точки зрения такой информативности всей совокупности клинописных текстов по сравнению со свидетельствами античной традиции, по его мнению, содержащей «сведения не столько о реальном народе, сколько об о б р а з е киммерийцев, существовавшем в этой традиции и зачастую весьма далеком от реального о б л и к а этого народа» (с. 11 = с. 13 – *разрядка автора*). Несмотря на критический подход к имеющимся в его распоряжении источникам, автор все же полагает возможным на их основе реконструировать (в более или менее полном виде) историю пребывания киммерийцев в Передней Азии. В ходе этой попытки он поднимает множество принципиально важных вопросов, всю совокупность которых детально проанализировать в статье невозможно. Поэтому мы ограничимся кратким их обзором, более или менее подробно останавливаясь лишь на некоторых из них.

Глава I монографии – «Киммерийцы и Урарту при Саргоне II» – посвящена древнейшим известным нам страницам переднеазиатского этапа киммерийской истории – поражению урартского царя Русы I в стране Гамир и вторжению киммерийцев из Манны на территорию Урарту; основой для их воссоздания служат шесть писем из царских архивов Саргона II⁸. Наряду с текстами, упоминающими эти события, автор рассматривает и «другие письма Куянджикской коллекции, которые посвящены событиям, так или иначе связанным с интересующими нас», поскольку это, как он

⁷ Ввиду того, что текст оракула Ашшурбанипалу, в франкоязычной версии корпуса помещенный под № 51, в русском издании имеет № 12, нумерация № 12–51 в этих изданиях расходится на единицу. Далее – ссылки на тексты даются по франкоязычной версии свода.

⁸ Эта глава по существу воспроизводит – с некоторыми уточнениями – статью А.И. Иванчика «Киммерийцы и Урарту накануне восьмого похода Саргона II» (ВДИ. 1990. № 3). В число документов автор включает и письмо № 1 по прилагаемому корпусу (ABL 1079), руководствуясь новейшими чтениями, предполагающими наличие здесь упоминания киммерийцев. В своде И.М. Дьяконова (АВИИУ. № 50, 5) соответствующий пассаж представлен как не поддающийся прочтению.

полагает, позволяет «поместить киммерийский поход в общий контекст урартской истории и выяснить логику развития событий» (с. 20 = с. 22).

Путем тщательного сопоставления упоминаемых в исследованных письмах реалий автор обосновывает последовательность их составления, реконструирует ход событий и приходит к обоснованному, на наш взгляд, заключению, что данные документы возникли незадолго до известного восьмого похода Саргона II на Урарту, причем не в 715 г. до н.э., а в том же 714 г., которым датируется этот поход. Правда, последнее уточнение базируется в значительной степени на предложенной автором локализации страны Гамир, ибо, как пишет А.И. Иванчик (с. 26 = с. 28), поскольку в 715 г. урарты вели боевые действия против Ассирии и Манны, т.е. на юге страны, они не могли в это же время «думать об организации похода в совершенно противоположном направлении». Между тем проблема локализации страны Гамир и ее решение, предложенное А.И. Иванчиком, требуют специального разбора.

Как неоднократно отмечалось, единственное указание на местоположение этой страны содержится в донесении Ашшурицу Саргону II (№ 4 = ABL 146), где сказано, что между Урарту и Гамир лежит область Гурианиа (^{kur}Gu-ri-a-ni-a), местонахождение которой А.И. Иванчик пытается определить уже по урартским текстам. Приходится, однако, признать, что единичные и не вполне внятные указания этих текстов делают остроумные построения автора лишь возможными, но отнюдь не неопровержимыми.

Известно, что в анналах самого Русы I, потерпевшего поражение в стране Гамир, единожды – в надписи, высеченной на скале на южном побережье оз. Севан, недалеко от селения Цовинар (Келагран) – упомянута область Гуриаини (^{kur}Gu-ri-a-i-ni). Надпись эта сообщает о победе Русы над 23 странами, четыре из которых достаточно убедительно локализуются на западном побережье Севана. Что касается остальных 19 стран (в том числе Гуриаини), располагавшихся, согласно надписи, «с той стороны озера в горах высоких», то их локализация целиком зависит от понимания оборота «с той стороны озера» и соответственно достаточно произвольна⁹. Поэтому А.И. Иванчик в своем анализе основывается прежде всего на локализации упоминаемой в анналах Сардури II – предшественника Русы I – страны Куриани (^{kur}Qu-ri-a-ni)¹⁰, многими исследователями отождествляемой с Гуриаини Цовинарской надписи¹¹. Местонахождение же Куриани определяется, как известно, указанием на ее соседство с хорошо локализуемой страной Эриахи.

А.И. Иванчик, сравнивая все имеющиеся данные о расположении упоминаемых вблизи Эриахи областей, приходит к выводу, что Куриани могла находиться только к северу от нее, и, добавляя к этому трактовку «той стороны озера» Цовинарской надписи как северного побережья оз. Севан, заключает, что Гурианиа ассирийского текста следует помещать «к востоку и северо-востоку от озера Чалдыр и к северу и северо-западу от озера Севан» (с. 28 = с. 29). Страна же Гамир как «граничащая со страной Куриани» оказывается помещенной, таким образом, «в Центральном Закавказье, вероятно, к югу от Дарьяльского или Клухорского прохода» (с. 53)¹².

⁹ Подробно об этом см., например: *Пиотровский Б.Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 91–92.

¹⁰ *Меликишвили Г.А.* Урартские клинообразные надписи. М., 1960. № 155F.

¹¹ АВИИУ. № 50, 11, прим. 2; *Пиотровский.* Ук. соч. С. 92 и др.

¹² Напомним, что в ассирийском тексте, согласно принятому самим А.И. Иванчиком переводу, говорится о стране, «лежащей между Урарту и Гамирра», что отнюдь не идентично указанию на смежность стран Гамир и Гурианиа. Если же принять последнее толкование, то либо страна Гурианиа должна быть огромных размеров, несоизмеримых с другими упоминаемыми в той же связи областями, либо Гамир окажется не дальше Северной Армении, а тогда нельзя говорить о Центральном Закавказье – об областях к югу от Дарьяла и Клухора. Нужно добавить, что на помещенной в обсуждаемой книге карте, явно неточной (так, Эриахи на ней неоправданно сдвинута к югу), страна Гамир оказалась чуть севернее линии Чалдыр–Севан, что явно не согласуется с описанием ее местоположения в тексте монографии. Напомним, что некоторые авторы считали возможным локализовать Гамир в районе современного г. Гори или в Западной Грузии (см. *Diakonoff I.M., Kashkai S.M.* Geographical Names according to Urartian Texts (Répertoire géographique des textes cunéiformes, v. 9). Wiesbaden, 1981. P. 71; *Алексеев, Качалов, Тохтасьев.* Ук. соч. С. 49).

В русском издании (с. 57) она локализуется иначе – «видимо, в районе Южной Грузии».

Рассуждения автора, несомненно, логичны и построены на прекрасном знании источников. В свое время предложенную им локализацию страны Гамир (с некоторыми, правда, коррективами) приняли и двое из авторов настоящей рецензии¹³. Но именно предпринятый А.И. Иванчиком детальный анализ всего комплекса сведений о киммерийцах в Передней Азии заставляет нас теперь признать, что эти построения в достаточной мере уязвимы – в силу хотя бы уже упомянутой лапидарности имеющих источники, да и по ряду других причин.

Так, представляется, что на основании единичных упоминаний в разновременных текстах областей Гурианиа, Гуриаини и Куриани невозможно получить абсолютную уверенность, что все эти источники подразумевают одну и ту же закавказскую область, тем более что нельзя исключить и возможность существования омонимичных или имеющих весьма сходные названия областей (ср., например, ниже о странах Хубушна и Хубушкия). Кроме того, не все выводы полностью соответствуют той «логике развития событий», о которой упоминает сам А.И. Иванчик, приступая к данному пассажи.

Так, прежде всего в письме № 4 (ABL 146) Гурианиа характеризуется как область, которая «дань Урарту дает». Более того, именно туда бежали урарты после нанесенного им киммерийцами поражения¹⁴. Речь, таким образом, идет о территории, которую урарты считали своей. Однако, как известно из многочисленных урартских текстов, завоевание ими Южного Закавказья проходило с трудом. В одни и те же места неоднократно совершались военные походы, и севернее линии, соединяющей Чалдыр и Севан, урартам закрепиться не удалось, что подтверждается и отсутствием там урартских крепостей и надписей. Существование достаточно стабильного и надежного форпоста, хотя бы и не входившего в границы самого Урарту, севернее Эриахи выглядит в этой связи сомнительным.

В сравнительно далекий, по реконструкции А.И. Иванчика, северный поход против киммерийцев Руса ведет «чуть ли не все урартские войска» (с. 22 = с. 24)¹⁵. Такое развитие событий предполагает достаточно спокойную ситуацию на других участках урартской границы, в частности на юге, чего, как известно, не было. Вскоре после воцарения в Ассирии Саргона II борьба между Урарту и Ассирией развернулась с особой силой, причем главной ее ареной стал Приурмийский район¹⁶. Эта ситуация сохранялась по крайней мере вплоть до 715 г. включительно, на что указывает сам А.И. Иванчик, и на чем он, как уже сказано, строит датировку похода Русы I в страну Гамир, отмечая, что в охарактеризованной ситуации уход урартского войска в противоположном от зоны напряженности направлении, да еще на значительное расстояние, невероятен. Но мы знаем, что тот же Приурмийский район явился одним из главных плацдармов ассиро-урартской борьбы во время восьмого похода Саргона II в 714 г.¹⁷ Правомерно ли в этих условиях предполагать кратковременное – всего на несколько месяцев – но столь радикальное изменение ситуации, чтобы экспедиция Русы в далекие северные земли оказалась возможной?

А. Кристенсен обратила внимание на тот факт, что первые сообщения о поражении

¹³ Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. М., 1992. С. 189 сл.

¹⁴ Первоначально А.И. Иванчик (Киммерийцы и Урарту... С. 11) поддержал мнение некоторых своих предшественников, согласно которому именно на территории страны Гурианиа урартский царь реорганизовал свое разбитое киммерийцами войско перед повторным наступлением на них. Однако в обсуждаемой книге автор совершенно, на наш взгляд, оправданно отказался от такой достаточно произвольной трактовки сильно поврежденного текста (с. 29–30).

¹⁵ Это толкование основано на предложенном К. Деллером и С. Парполой и принятом А.И. Иванчиком уточненном чтении письма Синаххериба (№ 2 = ABL 197), согласно которому в этом походе приняли участие по крайней мере 13 урартских областеначальников.

¹⁶ Меликишвили Г.А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наири–Урарту. Тбилиси, 1954. С. 282 сл.

¹⁷ Медведская И.Н. К уточнению маршрута похода Саргона II в 714 г. до н.э. // ВДИ. 1989. № 2. С. 101.

урартов в стране Гамир ассирийцы получили из Мусасира и от уккийцев, т.е. от юго-восточных соседей Урарту, и на этом основании предположила, что сам конфликт должен был происходить поблизости от этих районов¹⁸. А.И. Иванчик легко отмахивается от этого довода, полагая, что «обязанностью всех пограничных ассирийских областеначальников, как и зависимых и полузависимых от Ассирии царей, был сбор всей возможной информации об Урарту, и только от них она и могла поступать к начальнику разведки Синаххерибу», а значит, на основе этих данных «невозможно судить о месте, где происходили описанные события. Следуя той же логике, можно было бы утверждать, что все, о чем сообщает в своих донесениях Синаххериб, находившийся в Ниневии, происходило в окрестностях этого города» (с. 29 = с. 31). Последний аргумент абсолютно некорректен, ибо Синаххериб представлял центральный разведывательную службу и к нему стекалась информация из всех соседних с Ассирией земель, чего нельзя предполагать для местных правителей, сообщавших о происходящем в зоне их внимания. Тем не менее можно согласиться с А.И. Иванчиком, что отмеченного А. Кристенсен факта недостаточно для локализации арены урарто-киммерийского столкновения и страны Гамир. Однако нельзя игнорировать существование и некоторых дополнительных обстоятельств, представляющих в этой связи определенный интерес.

Так, возникает вопрос, почему вскоре после разгрома Русы I в далекой северной (по А.И. Иванчику) стране Гамир он, как свидетельствует одно из писем Синаххериба (№ 2 = ABL 197), оказывается в области Уацаун, т.е. опять-таки на юго-востоке от территории Урарту¹⁹.

Мы прекрасно сознаем, что перечисленным фактам можно придумать более или менее правдоподобные объяснения, хотя все они будут лишь допущениями – возможными, но отнюдь не обязательными. Одно обстоятельство придает, однако, этим фактам особый интерес: все рассмотренные свидетельства независимо друг от друга приводят нас в области к юго-востоку от Урарту – в Приурмийский район и на границу с Манной, т.е. на территорию, где достоверно и совершенно не зависимо от трактовки рассматриваемых событий зафиксировано как пребывание киммерийцев и в эпоху Саргона II и позже, так и киммерийско-урартские столкновения. О вторжении киммерийского вождя в Урарту с территории Манны сообщает, к примеру, донесение Урда-Сина (№ 5 = ABL 112). По мнению А.И. Иванчика (с. 50 = с. 54), с тем же событием может быть связано содержание плохо сохранившегося документа из Нимруда (№ 6 = SAA. 5, 144). Автор полагает, что это вторжение «скорее всего, должно относиться ко времени, очень близкому походу урартов на страну Гамир» (с. 51 = с. 55), и не исключает, что последний явился «ответной акцией на киммерийский набег» со стороны Манны. Впрочем, он же допускает, что «оба урарто-киммерийских конфликта вообще не связаны между собой и что во втором случае речь идет о совершенно отдельном отряде киммерийцев, действовавшем в районе Манны» (там же). Последнее представляется единственно возможным в случае принятия отстаиваемой А.И. Иванчиком северной локализации страны Гамир. Иначе пришлось бы допустить сохранение теснейшей связи и даже политического единства между группами киммерийцев, пребывающими на разделенных огромными по переднеазиатским масштабам расстояниями территориях (включая всю территорию Урарту), что весьма сомнительно. Еще более неправдоподобным представляется предположение самого

¹⁸ Kristensen A.K.G. Who were the Cimmerians and where did They come from? Sargon II, the Cimmerians, and Rusa I (Historisk-filosofiske Meddelelser. Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, 57). Copenhagen, 1988. P. 20.

¹⁹ Другой документ (№ 4 = ABL 146) сообщает о пребывании Русы I после поражения в стране Гамир в его столице Тушпе. По мнению А.И. Иванчика (с. 30 = с. 32), это сообщение описывает ту стадию развития событий, которая предшествует появлению урартского царя в области Уацаун; но само это заключение опирается исключительно на представление автора о взаиморасположении страны Гамир, урартской столицы и Уацауна, т.е. в конечном счете – на локализацию первой. Мы, таким образом, оказываемся в порочном круге.

А.И. Иванчика, что, видимо, «киммерийцы в это время базировались на территории к северу от Урарту (страна Гамир), но могли проводить и весьма дальние рейды через Манну и нападать на юго-восточные границы Урарту» (там же). Рассматривать два засвидетельствованные источниками для эпохи Саргона II урарто-киммерийские столкновения как взаимосвязанные было бы логично лишь при локализации их обоих (а следовательно, и страны Гамир) близ юго-восточных рубежей Урарту, недалеко от Манны, как уже полагали некоторые исследователи и на что, как мы видели, постоянно наводили нас различные детали имеющихся свидетельств. Если же помещать эту страну в Закавказье, то следует, видимо, признать самостоятельными действия разных киммерийских отрядов.

В этих условиях особую ценность приобрело бы привлечение для локализации страны Гамир каких-то данных, независимых от рассмотренных свидетельств. В свое время двое из авторов настоящей рецензии, приняв в основном, как уже сказано, гипотезу о закавказском ее местоположении, попытались опереться в качестве дополнительного аргумента на археологические реалии и помещали Гамир в зону наибольшей в Закавказье концентрации элементов скифского архаического культурного комплекса, понимая его как присущий в равной мере и скифам, и киммерийцам. Зона эта отчасти совпадает с территорией, на которой помещает искомую страну А.И. Иванчик. Однако, несмотря на соблазнительность возможности подкрепить его построения археологическими данными, что в свою очередь позволило бы конкретизировать наши представления о реальном содержании понятия «страна Гамир» и о ее обитателях, приходится все же отказаться от этого аргумента, поскольку привлекавшиеся в этой связи закавказские памятники «скифского типа», обнаруживающие, как отмечалось, определенные связи и с урартскими древностями, относятся к датируемому несколько более поздним временем периоду активности Урарту в Закавказье. Этот период озаглавлен, в частности, строительством Русой II во второй четверти VII в. до н.э. крепости Тейшебаини, предметы из которой представляют наиболее близкие аналогии находкам из привлеченных «скифских» комплексов. Таким образом, следует признать, что археологическими подтверждениями гипотезы о локализации страны Гамир, воевавшей с Русой I, в Закавказье мы не располагаем.

По другому пути для подтверждения той же гипотезы идет С.Р. Тохтасьев²⁰. Считая свидетельства античных авторов об обитании киммерийцев в Северном Причерноморье ненадежными, он исходит из того, что «ассирийские данные, относящиеся к 720–714 гг., о "стране киммерийцев" – *kurGamir(ra)*, отделенной от Урарту "страной Гурианиа", напротив, не вызывают сомнений». По его мнению, «удобными для кочевников» (а принадлежность киммерийцев к кочевым народам признается им однозначно) являются как область Гори, о помещении в которую страны Гамир уже упоминалось выше, так и «собственно колхидский регион».

Даже если отказаться от достаточно распространенного мнения, что киммерийские (а позже скифские) отряды проникали в Закавказье и Переднюю Азию исключительно как воинские, без женщин и стад, и потому не были жестко связаны с кочевым укладом, и признать весомость хозяйственно-географического аргумента в споре о локализации страны Гамир, то нельзя не отметить, что район Гори, т.е. внутренне-картлийская равнина, вряд ли мог быть местом обитания киммерийцев. Во всяком случае кочевники, в разные исторические эпохи оказывавшиеся на территории Грузии, никогда не делали ее местом своих кочевий²¹. Очевидно, одной из причин этого была густая заселенность этой равнины земледельцами и оседлыми скотоводами, что, в частности, относится и к интересующему нас периоду. Пребывание – хотя бы и недолговременное – на этой территории кочевников неизбежно привело бы к полному разрушению земледельческо-скотоводческого хозяйства, чего, как следует из археоло-

²⁰ Алексеев, Качалова, Тохтасьев. Ук. соч. С. 49.

²¹ Шамиладзе В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии. Тбилиси, 1979. С. 191 сл.

гических данных, не произошло. То же, в общем, относится и к Колхиде, где хорошо было представлено отгонное, а не кочевое скотоводство. Лишь на небольших участках между Батуми и Озургети (Махарадзе) этнографически засвидетельствовано присутствие кочевников. Что же касается рассматриваемого периода, то неоднократно упоминаемый в литературе разгром ряда колхидских поселений, иногда связываемый (в том числе и С.Р. Тохтасевым) с киммерийцами, не является достаточным основанием, чтобы полагать, что эта территория была занята кочевниками.

Все изложенное заставляет нас не отвергать столь решительно, как это делают А.И. Иванчик и С.Р. Тохтасев, мнение исследователей, помещающих страну Гамир вне Закавказья, возможно, в районе оз. Урмия, где, как сказано, присутствие киммерийцев надежно засвидетельствовано. В целом тема эта не может считаться закрытой и требует дальнейшего специального изучения, конечно, с непременным учетом критического анализа источников и существующих гипотез, осуществленного А.И. Иванчиком.

После краткого экскурса в проблему интерпретации текста письма ABL 473, не включенного в прилагаемый корпус, ибо имя киммерийцев восстанавливается в нем сугубо предположительно (с. 53–55 = с. 58–59), автор обращается к свидетельствам об этом народе, относящимся к эпохе Асархаддона. Им посвящена глава II его монографии.

Уже сам факт того, что история пребывания киммерийцев в Передней Азии имеет лауну протяженностью около 35 лет, включая все правление Синаххериба, достаточно показателен: он, на наш взгляд, наглядно демонстрирует, насколько проблематичны любые попытки целостной реконструкции этой истории и установления причинно-следственных связей между известными нам ее эпизодами. Будем ли мы объяснять существование указанной лауны неполнотой имеющихся источников, военной пассивностью киммерийцев в отмеченный промежуток или же их временным полным исчезновением из поля зрения ассирийцев, любое из этих толкований останется не более чем *argumentum ex silentio*. Следует лишь отметить, что документированное присутствие киммерийцев в Манне и ее окрестностях как в эпоху Саргона II, так и во времена Асархаддона необходимо принимать во внимание при оценке вероятности их временного ухода из Передней Азии.

В правление Асархаддона источники фиксируют киммерийцев преимущественно в двух достаточно удаленных друг от друга регионах древнего Востока – в уже упомянутой Манне и на востоке Малой Азии. С последней, в частности, связаны, по принятому А.И. Иванчиком мнению, сообщения о разгроме киммерийского вождя Теушпы (№ 7–9) в стране Хубушна, которую автор уверенно локализует в Табале, полемизируя по этому вопросу с точкой зрения о ее идентичности с Хубушкойей, находившейся к западу от оз. Урмия, на границе между Урарту и Ассирией (с. 59 = с. 61–62). Этот же конфликт, относимый к 679/8 г. до н.э. (с. 59–61 = с. 60–64)²², отражен, возможно, в вавилонской «хронике Асархаддона» (№ 10). А.И. Иванчик подробно анализирует вопрос об этимологии имени упомянутого киммерийского вождя, важный для решения проблемы этнической принадлежности этого народа, и обоснованно считает, что все предлагавшиеся иранские его толкования «базируются на компоновке иранских слов малой длины и потому, хотя и возможны, но не обязательны и не могут окончательно убедить именно в иранской принадлежности данного имени» (с. 62 = с. 65).

К сожалению, два момента, отраженные в сообщениях о разгроме Теушпы, оставлены в монографии по существу без внимания, а между тем они могут оказаться весьма существенными для понимания всей истории пребывания киммерийцев в Передней Азии.

Первый из них – определение обиталища Теушпы в призмах Асархаддона (№ 7) как

²² Датируемое тем же годом упоминание в хозяйственном документе из Ниневии (№ 41 = SAA, 6, 204) «начальника киммерийского подразделения» А.И. Иванчик (с. 63 = с. 65–66) считает возможным трактовать не обязательно как свидетельство о появлении в ассирийской армии подразделений, состоящих из этнических киммерийцев, но и как указание на наличие в ней отрядов, вооруженных на киммерийский манер.

«отдаленного». Во франкоязычной редакции А.И. Иванчик не высказывает никаких соображений относительно его местоположения (в русской – с. 65 – он, отвечая на нижеследующее замечание, характеризует этот оборот как «орнаментальный топос возвышенного стиля... не несущий никакой смысловой нагрузки»), если только не оно позволило автору в другом месте монографии (с. 86 = с. 91) предположить, что «основная часть киммерийцев в эпоху Асархаддона продвинулась на запад, в Малую Азию, но какая-то их группа осталась в Манне и продвинулась дальше на юг, в Мидию». Не следует ли из этого, что отдаленным обиталищем, откуда войско Теушпы пришло в Малую Азию, А.И. Иванчик считал именно Манну? В таком случае здесь мы опять сталкиваемся с настойчивой тенденцией автора рассматривать всех действовавших в Передней Азии киммерийцев как достаточно единый этнополитический массив. В действительности ничто в источниках не указывает на связь войска Теушпы с той территорией и именно с теми киммерийцами, которые в это время и ранее пребывали в Манне. К тому же, даже если допустить возможность беспрепятственного перемещения этого войска через всю Ассирию (или севернее – через Урарту?), то контекст документа позволяет полагать, что обиталище Теушпы воспринималось как отдаленное скорее не относительно его местопребывания в момент описываемого конфликта, т.е. восточных областей Малой Азии, а относительно самой Ассирии, что не слишком подходит к прекрасному известной ассирийцам Манне.

Второй момент, не привлечший должного внимания при анализе сообщений о поражении Теушпы, равно как и других аккадских текстов, содержащих упоминание киммерийцев, – выбор придаваемого этому этнониму детерминатива²³. В большинстве интересующих нас документов этот этноним употреблен с детерминативом LÚ, обычным при словах, обозначающих принадлежность субъекта (субъектов) к какой-либо совокупности – этнической, профессиональной и т.п. Но на этом фоне интерес представляют случаи (№ 2–4, 6–8, 10, 51, 52, 54), когда он снабжен детерминативом KUR, прилагаемым к названию страны (области)²⁴. Иногда такое предпочтение может быть достаточно просто объяснено контекстом, но в иных случаях именно оно может, как представляется, пролить дополнительный свет на смысл данного сообщения, да и других текстов, и на некоторые общие вопросы киммерийской истории (ср., впрочем, ответ А.И. Иванчика на нижеследующие соображения на с. 186 русского издания его работы).

Первую из обозначенных ситуаций мы обнаруживаем прежде всего в рассмотренных выше текстах эпохи Саргона II, где ^{kur}Ga-mir (^{kur}Ga-mir-ra) – это совершенно определенная область, четко соотносимая со смежными областями, арена конкретных событий. Потому-то исследователи, опираясь на эти документы, заняты поисками «страны Гамир». Но о «стране киммерийцев» в связи с другими страницами переднеазиатской истории этого народа, как правило, не говорят, предпочитая почти во всех случаях перевод «киммерийцы/киммериец» вне зависимости от употребленного при этом этнониме детерминатива.

Между тем тот же детерминатив KUR придан этому этнониму в свидетельствах о победе над Теушпой в призмах и цилиндрах Асархаддона и потому словосочетание ^mTe-uš-ra-a ^{kur}Gi-mir-ra-a-a²⁵ в этих текстах может означать не только «Теушпа,

²³ Авторы статьи признательны Г.Ю. Колгановой, с которой они подробно обсудили данный вопрос.

²⁴ Аналогичную вариативность мы встречаем в ассирийских документах при имени скифов: ^{kur}Iš-ku-za-a-a в текстах № 20, 22, ^{lú}Iš-ku-za-a-a в документах № 23, 33. Имеются также случаи, когда детерминатив при имени киммерийцев восстановлен издателем (№ 1, 18).

²⁵ Так именуется этот киммерийский вождь почти во всех полностью сохранившихся текстах. Исключение составляет одна из редакций призм Асархаддона (№ 7; см. с. 180 = с. 185), и потому непонятно, отчего при восстановлении соответствующего пассажа стелы из Тиль-Барсиба (№ 9), повествующего о том же событии и текстуально почти идентичного призмам и цилиндрам, утраченный детерминатив восстанавливается по наиболее редкой аналогии: ^mTe-uš-ra-a [^{lú}]Gi-mir-ra-a-a. Это – один из упомянутых выше случаев, когда в комментариях к франкоязычному изданию корпуса, составленного А.И. Иванчиком, отсутствует необходимое, на наш взгляд, обоснование восстановления лакуны.

киммериец», но и «Теушпа, (царь/вождь) страны киммерийцев». Конечно, и в этих случаях выбор детерминатива при этнониме можно было бы, пожалуй, объяснить контекстом; сам этноним входит здесь в «титул» вождя некоего политического образования, что в неявной форме предполагает существование занимаемой этим образованием и контролируемой его вождем территории²⁶ – хотя бы уже упомянутого «отдаленного обиталища» Теушпы.

В этой связи любопытно, что в том пассаже вавилонской «хроники Асархаддона» (№ 10), который, как говорилось выше, посвящен, видимо, той же победе над Теушпой, название киммерийцев употреблено уже без имени их предводителя. В таком случае, казалось бы, можно было ожидать употребления ^{lu}Gi-miṣ-ḡa-a, как в целом ряде свидетельств о сходных событиях (ср., например, № 13, 24, 26, 53 и др.). Но здесь мы видим тот же детерминатив KUR, причем «страна киммерийцев» упомянута здесь в одном ряду с другой «страной» (ее название частично утрачено) и указано, что обе они находятся в Хабусну (Хубушне?). Это – единственный случай, когда А.И. Иванчик трактует интересующее нас слово как хороним, переводя: «Сражение бы[ло] в стране Бу[...] и Гимирра в Хабусне (?)», хотя смысловая и текстуальная близость этого пассажа и текстов призм и цилиндров не дает никаких оснований для сколько-нибудь различного их толкования. Не свидетельствуют ли данные всех этих текстов, рассмотренные в совокупности, что киммерийцы Теушпы воспринимались ассирийцами не только как особый этнос, пришедший издалека, но и как определенная политическая единица (страна), отнюдь при этом не идентичная «отдаленному обиталищу» их вождя, а локализуемая там, где разворачивались описанные события, – на востоке Малой Азии?

Чтобы завершить этот экскурс, нарушим хронологический принцип рассмотрения переднеазиатской истории киммерийцев и кратко остановимся на остальных документах, демонстрирующих то же словоупотребление. Среди них особый интерес представляет письмо астролога Аккуллану к Ашшурбанипалу (№ 52 = ABL 679 + 1391), ибо в нем имя киммерийцев в разных контекстах употреблено с разными детерминативами. В строках 13–15, где говорится, что, какое бы могущество не захватили киммерийцы, боги вернут его ассирийскому царю, мы читаем ^{kur}Gi-miṣ-ḡa-a, тогда как в строке 27, содержащей разъяснение, что «умман-манда [это] киммерийцы», использован детерминатив LU. Пример этот объясняет, возможно, основной принцип, определяющий интересующее нас различие: в первом случае речь идет о политической единице на международной арене, тогда как во втором – просто об определенном этносе.

Этот принцип объясняет и упоминание ^{kur}Gi-miṣ-a, в едином смысловом ряду с Эламом (^{kur}NIM^{ki}) и в общем контексте пророчества о судьбе разных стран в оракуле Ашшурбанипалу (№ 51). Столь же естественно такое словоупотребление в инвентарном списке эпохи Саргонидов (№ 54 = SAA. 7. 12), где среди прочих предметов названа пара обуви ša ^{kur}Gi-miṣ-a – киммерийской (из страны киммерийцев). Гораздо сложнее объяснить использование того же детерминатива при имени киммерийцев в письме, приписываемом Мардук-шакин-шуми (№ 14 = ABL 1168), вследствие утраты значительной части контекста.

В целом, подводя итог проведенного сравнения разных контекстов, в которых при имени киммерийцев употреблен детерминатив KUR, можно сказать, что, если выбор его не случаен, то в большинстве таких пассажей речь, видимо, идет о конкретной занятой представителями этого народа области, причем скорее всего в разных документах подразумеваются разные территории. Последнее наблюдение немаловажно, в частности для толкования существа древнейших сообщений эпохи Саргона II о стране Гамир.

²⁶ Ср. замечание об именовании скифского вождя в призмах того же Асархаддона: «Определение "скиф" вовсе не исключает, что Ишпакай считался ассирийцами царем, а также правителем конкретной страны (он и называется Ашкузем, букв. "из страны Ашкуза": ^{kur}Aš-qu-za-a, "Скифии" или "страны скифов"); так же "Уарт", "Маней" и т.д. может стоять вместо "царь Уарту" и т.д.» (Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 135).

Возвратимся к истории пребывания киммерийцев в Малой Азии в период правления Асархаддона. О ней, помимо рассмотренных документов, сообщают и некоторые запросы ассирийского царя к оракулу Шамаша. Они рассмотрены А.И. Иванчиком на фоне большой совокупности иных текстов того же рода, свидетельствующих, по мнению автора, что победа 679 г. над Теушпой не была решительным успехом Ассирии и не только не привела к покорению региона, где разворачивались упомянутые события, но даже не обеспечила безопасности ассирийских границ, почему и потребовались повторные действия в тех же краях (с. 65 сл. = с. 68 сл.). В одном из запросов, относящемся ко второй половине 670-х годов, киммерийцы фигурируют как союзники царя мушков (фригийцев) и противники Ассирии (№ 17 = SAA 4,1). А.И. Иванчик сопоставляет это свидетельство с сообщениями Страбона, Евстафия, Стефана Византийского о пребывании киммерийцев во Фригии, видя в нем подтверждение принципиальной историчности этих свидетельств, хотя они в отличие от ассирийского текста отражают враждебные отношения между киммерийцами и Фригией (видимо, иную стадию их развития). Та же опора на ассирийское свидетельство позволяет автору предпочесть один из существовавших в античной традиции вариантов хронологической привязки киммерийско-фригийских столкновений (с. 68–74 = с. 72–77), что немаловажно ввиду крайней искусственности предпринимавшихся в античности построений в сфере абсолютной хронологии малоазиатской истории²⁷.

Небесспорным – прежде всего в силу значительной удаленности друг от друга упоминаемых в этой связи областей – представляется предположение А.И. Иванчика (с. 74–76 = с. 77–79), что киммерийцы, в союзе с Русой II грозившие Шубрии – области к западу от оз. Ван (№ 19 = SAA. 4,18), принадлежали к «той же группе киммерийцев, которая фиксируется в Табале, Хилакку и Фригии». Здесь обнаруживается та же тенденция автора трактовать всех действовавших в Передней Азии киммерийцев как единую и достаточно централизованную политическую силу.

Самое пристальное внимание уделил А.И. Иванчик свидетельствам о «восточных киммерийцах» – тех, кто в эпоху Асархаддона и Ашшурбанипала засвидетельствованы в Манне и Мидии. Эти свидетельства, как и рассмотренные ранее, представлены в документах различного характера. Автор группирует их как хронологически, так и по содержанию, вычленив отдельные или, по его мнению, связанные между собой эпизоды. Для нас этот блок сообщений представляет особый интерес, ибо именно здесь мы впервые в истории встречаемся не только с киммерийцами, но и со скифами. Оба народа в запечатленных этими документами событиях фигурируют либо совместно, либо параллельно, и потому данные источники дают реальную возможность уточнить и историю этнокультурных и политических отношений между скифами и киммерийцами, и характер употребления их этнических наименований в этнополитическом контексте того времени. Вопрос этот весьма дискуссионен и потому достаточно актуален. Преимущественно в этом ракурсе и стоит рассмотреть здесь проблему «восточных киммерийцев» и ее толкование А.И. Иванчиком.

Как известно, существует мнение, что в древневосточных текстах термины «киммерийцы» и «скифы» в известной мере синонимичны и взаимозаменяемы. Так, И.М. Дьяконов в свое время допускал возможность того, что под киммерийцами источники рассматриваемой группы «в ряде случаев имеют в виду также и скифов-шкуда»²⁸. Позже, уточняя свою позицию, исследователь отмечал, что, когда в текстах «названы скифы, то это скифы, но когда в них названы Gimirri, то нельзя сказать с уверенностью, скифы это или киммерийцы»²⁹. А.И. Иванчик достаточно детально разбирает все те основания, на которых базируется данный взгляд.

²⁷ Об этом в самое последнее время в контексте интересующей нас проблемы см. Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // РА. 1994. № 3.

²⁸ Дьяконов. История Мидии. С. 265.

²⁹ Он же. К методике исследований по этнической истории («Киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М., 1981. С. 93.

Прежде всего И.М. Дьяконов полагал, что разница словоупотребления в данном случае определяется в значительной степени языком источника: для вавилоноязычных текстов при обозначении северных кочевников характерно предпочтительное использование имени киммерийцев (как и в более поздних вавилонских документах, где тот же термин служит для обозначения и скифов, и среднеазиатских саков³⁰), тогда как ассирийские надписи часто употребляют имя скифов. Это положение оспорено А.И. Иванчиным (с. 86 = с. 90–91), указавшим, что имеется достаточное количество текстов, написанных нововавилонским письмом и содержащих имя скифов.

Высказывалось также предположение, что свидетельство анналов Асархаддона о победе над маннеями и их союзником скифом Ишпакаем, с одной стороны, и содержащееся в письме Белушезиба (№ 13 = ABL 1237) сообщение о планируемом походе против Манны и о ее союзниках (хотя и ненадежных) киммерийцах, с другой, имеют в виду одну и ту же кампанию; в таком случае можно было бы допустить, что речь в обоих случаях идет об одном и том же союзнике Манны, обозначаемом взаимозаменяемыми этнонимами. Но, по наблюдениям А.И. Иванчика (с. 78–79 = с. 82), события, запечатленные в названных документах, отделены друг от друга промежутком минимум в два года. То, что после первого поражения маннеев скифы больше не фигурируют в качестве их союзника, автор склонен объяснять договором между ними и Ассирией, заключенным после знаменитого сватовства Бартатуа к дочери Асархаддона (№ 20-SAA. 4,20); киммерийцы же остаются враждебным Ассирии народом (с. 93–94 = с. 97–99).

Наконец, пристальное внимание в последнее время уделяют тому обстоятельству, что известны случаи употребления обоих интересующих нас этнонимов в одном тексте. И.М. Дьяконов, отмечая, что имеется лишь один такой документ, был склонен объяснять это небрежностью писца³¹. Другие же авторы исходят из того, что такое сочетание засвидетельствовано неоднократно, в чем усматривается доказательство четкого различия двух названных народов ассирийцами³². Между тем абсолютно достоверно имя и скифов, и киммерийцев в самом деле читается лишь в одном тексте (№ 22 = SAA. 4, 24)³³, в остальных же (№ 23–26 = SAA. 4,35,36,39,40) тот или иной этноним восстанавливается по аналогии. Судя по тому, что А.И. Иванчик включил все эти тексты в свой корпус, он считает такое восстановление бесспорным (см. выше о принципе составления корпуса). На этой-то базе и строится возражение против мнения И.М. Дьяконова о понимании ассирийцами этих этнонимов как взаимозаменяемых и даже реконструируются различия в политике скифов и киммерийцев по отношению к Ассирии. Уже упоминалось предположение А.И. Иванчика о политических последствиях брака Бартатуа с ассирийской царевной. Не менее принципиальным считает автор (с. 85–86 = с. 90) тот факт, что среди противников Ассирии во время известного восстания Каштарити фигурируют лишь киммерийцы, а скифы не упомянуты ни разу, тогда как угрозу ассирийским провинциям Бит-Хамбан и Парсумаш представляют и те, и другие. Как киммерийцы, так и скифы названы среди народов, препятствующих сбору ассирийцами дани лошадьми в Мидии (с. 87 = с. 91; см. № 32–34 = SAA. 4, 65, 66, 71).

Предположение, что ассирийцы нисколько не смешивали киммерийцев и скифов, в принципе не исключено. Но следует признать, что со всей убедительностью такой вывод из рассмотренных источников не следует, поскольку почти каждый из аргу-

³⁰ Дьяконов. История Мидии. С. 238; он же. К методике... С. 99; Дандамаев М.А. Данные вавилонских документов VI–V вв. до н.э. о саках // ВДИ. 1977. № 1. С. 31.

³¹ Дьяконов. К методике... С. 93.

³² См., например: Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). СПб., 1992. С. 29; Медведская. Периодизация... С. 104 сл.

³³ Этот текст интересен, помимо прочего, и в том аспекте, который был обозначен выше: имя скифов сопровождается здесь детерминативом KUR (^[k]ur[is-ku-za-a]), тогда как имя киммерийцев в сохранившемся фрагменте (об., стк. 8), судя по публикации А.И. Иванчика, вообще без детерминатива; в лакуне же (стк. 9) автор восстанавливает ^{kur}Gi-mir-ga-a, никак опять-таки не мотивируя свой выбор.

ментов в защиту этой гипотезы чреват и контраргументами. Почему, скажем, в текстах запросов, связанных со сбором дани лошадьми, фигурируют исключительно л и б о скифы (№ 33, 34), л и б о киммерийцы (№ 32)? Насколько надежно восстановление, предполагающее упоминание как скифов, так и киммерийцев в документах, сообщающих об угрозе Бит-Хамбану и Парсумаш, если имя скифов сохранилось в одном из них (№ 23), имя же киммерийцев – в трех других, а единственный текст, содержащий о б а этнонима и служащий той аналогией, на которую опирается указанное восстановление, повествует о совершенно другом событии, связанном с другим районом Передней Азии, – об угрозе ассирийскому гонцу, посылаемому в Хубушкию? Существование же самого этого текста отнюдь, на наш взгляд, не означает, что в иных контекстах один из этих этнонимов не мог служить ассирийцам обобщающим термином, покрывавшим разные этнические группы – в том числе и те, чье собственное наименование было известно в Ассирии³⁴. Использование имени киммерийцев для обозначения всех ираноязычных кочевников в более позднюю эпоху А.И. Иванчик (с. 86–87 = с. 91) объясняет тем, что оно было лучше известно ассирийцам, чем имя скифов. Но представляется достаточно сомнительным обретение им такого обобщающего значения лишь на том этапе, когда сами киммерийцы уже исчезли с исторической арены. Ведь тогда осознание близости их уклада к укладу скифов или саков уже не могло повлиять на словоупотребление. Основы такого использования этнонима, видимо, должны были быть заложены все же тогда, когда и киммерийцы, первыми попавшие в поле зрения Ассирии, и пришедшие сюда несколько позже скифы были для коренных обитателей региона живой реальностью.

Конечно, и сказанное является лишь гипотезой, но такой, которая, на наш взгляд, соответствует несколько большему числу имеющихся в нашем распоряжении фактов, чем изложенное выше альтернативное толкование. Достоверно же можно утверждать лишь то, что в эпоху Асархаддона ассирийцы знали как киммерийцев, так и скифов, и в о т д е л ь н ы х с л у ч а я х их различие было релевантным для составителей изучаемых текстов.

Завершая рассмотрение второй главы монографии А.И. Иванчика, стоит остановиться еще на одном вопросе. Мы убедились, что, согласно восточным текстам, в первой половине VII в. до н.э. киммерийцы и скифы проявляют активность преимущественно в двух районах Передней Азии – у западных (киммерийцы на востоке Малой Азии) и восточных (киммерийцы и скифы в Манне и Мидии) рубежей Ассирии. Показательно, что в общем это совпадает с рассказом Геродота (IV. 12) о проникновении названных народов в страны Ближнего Востока через Кавказ двумя путями – восточным и западным, – в результате чего они оказываются в Малой Азии и Мидии. Но Геродот, как известно, четко разводит эти два народа, отправляя киммерийцев на запад, а скифов – на восток; киммерийцев в Мидии он не знает вовсе, а скифы, по его данным, появляются в Малой Азии лишь на последующей стадии развития событий. Такая жесткая схематизация соответствует фабуле Геродотового рассказа с его четким противопоставлением этих народов, не всегда, как мы пытались показать, соответствующим ассирийскому о них представлению. Однако сравнение повествования «отца истории» с восточными текстами показывает, что знание Геродотом подлинной истории пребывания этих народов в Передней Азии не ограничивалось знакомством с самим фактом их туда проникновения, но включало по крайней мере и определенные

³⁴ Осознавая всю приблизительность подобной аналогии, напомним, что, к примеру, в оставленных современниками описаниях событий 1812 г. рядом с наиболее частым именованием наполеоновской армии «французами» можно по временам обнаружить упоминания о входящих в ее состав, помимо собственно французских, также польских, немецких, голландских и иных частях. Все определяется контекстом и мерой детализации описания, продиктованной конкретной ситуацией. В результате термин «французы» выступает здесь в двух значениях – конкретном и обобщающем. Ср. замечание Страбона (XII. VIII. 7), что Гомер называет троянцами всех, кто был их союзниками, так же как их противников – данайцами и ахейцами.

сведения о путях их передвижения³⁵. Это немаловажно для оценки ряда других его сообщений на данную тему.

III глава монографии А.И. Иванчика называется «Киммерийцы в эпоху Ашшурбанипала. Вторжения в Лидию и Ионию». Как и предыдущие главы, она построена на тщательном анализе текстов и содержит целый ряд интересных и ценных наблюдений. Так, сопоставление последовательных редакций анналов Ашшурбанипала позволяет автору предложить реконструкцию развития отношений между киммерийцами, Лидией и Ассирией в правление Гига. Кроме того, именно в этой главе А.И. Иванчик наиболее активно прибегает к сопоставлению ассирийских свидетельств с данными античной традиции. Такое сопоставление оказывается важным при воссоздании картины захвата киммерийцами Сард или при оценке принятой в античном мире хронологии лидийской истории, о чем подробно идет речь и в уже упомянутой недавней статье Э.А. Грантовского. Не разбирая детально этих разделов монографии, хотелось бы привлечь внимание читателя к двум пассажам этой главы, опирающимся исключительно на клинописные тексты. Если согласиться с содержащимися в этих пассажах суждениями А.И. Иванчика, то мы получаем основания для принципиально нового взгляда на переднеазиатских киммерийцев.

Первое из интересующих нас наблюдений автора базируется на анализе лексики посвященных киммерийцам строк из письма астролога Аккуллану к Ашшурбанипалу (№ 52 = ABL. 679 + 1391). Принимая чтение, согласно которому в этом письме царь киммерийцев наделяется титулом *šar kiššati* «царь вселенной», А.И. Иванчик делает из этого вывод, что около 657 г. до н.э. он воспринимался в Ассирии как «правитель, по меньшей мере столь же значительный и могущественный, как Ашшурбанипал», хотя и признает беспрецедентность подобной оценки иностранного (к тому же враждебного) правителя во всей ассирийской истории (с. 100 = с. 105–106).

Второе наблюдение касается упоминания в редакции А анналов Ашшурбанипала (№ 46) киммерийских «градоначальников» (¹⁶EN.URU.MEŠ). Из этого обстоятельства автор заключает, что «киммерийцы в описываемую эпоху имели какие-то оседлые поселения в Малой Азии или во всяком случае назначали свою администрацию в подвластные им города. Если это предположение верно, можно заключить, что киммерийское владычество в Малой Азии не всегда было *ἐξ ἐπιδρομῆς ἀρπαγῆς*, как его обозначает Геродот (I.6.3)» (с. 104 = с. 108 сл.).

Кардинальное значение такого вывода очевидно. Но нельзя исключать, что в данном пассаже привлечший внимание А.И. Иванчика термин не имеет столь определенного содержания, а служил ассирийцам вообще для обозначения киммерийской знати, подобно тому как в целом ряде ассирийских текстов им обозначались правители небольших мидийских областей независимо от того, имелись ли в этих областях города и крупные сельские центры или нет. Поэтому радикально пересматривать наши представления о переднеазиатских киммерийцах, опираясь исключительно на рассмотренный пассаж анналов, представляется все же рискованным.

Наконец, принципиальным для автора является содержащийся в той же главе языковой анализ сохранных клинописными текстами имен двух вождей малоазийских киммерийцев – Дугдамме и Сандакшатру (Сандакурру). Считая неубедительными предлагавшиеся иранские их этимологии, А.И. Иванчик склоняется к их анатолийской принадлежности, что, впрочем, не указывает, конечно, на соответствующую этническую принадлежность самих киммерийцев (с. 123 = с. 130). Тем не менее данное

³⁵ Предпринимавшуюся в литературе попытку обнаружить еще одну перекличку между Геродотом и клинописными текстами А.И. Иванчик оспорил, отвергнув то толкование одного пассажа письма Белушезиба (№ 13), согласно которому киммерийцы именуются в нем «племенем (семенем) беглых» (см. Дьяконов. История Мидии. С. 264. Прим. 3; Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 209). Соответствующее выражение А.И. Иванчик характеризует как «условный термин высокого стиля», который наиболее адекватно может быть передан словом «варвары» и не имеет ничего общего с конкретными обстоятельствами киммерийской истории – их бегством от преследователей-скифов (с. 79–80 = с. 83).

утверждение существенно сужает круг и без того скудных лингвистических данных, на которых может базироваться определение последней.

Этой сложнейшей теме посвящена последняя, четвертая глава обсуждаемой монографии – «Этноним киммерийцев и проблема их этнической принадлежности». Глава эта построена на детальном анализе всех известных в иноязычных передачах форм интересующего нас этнонима. Оставляем лингвистам судить о корректности и убедительности построений автора. Напомним лишь, что выдвинутые А.И. Иванчиком возражения против предложенного И.М. Дьяконовым³⁶ объяснения начального k- в греческом варианте этнонима при начальном g- во всех вариантах аккадского и предлагаемое взамен альтернативное толкование были недавно приняты самим И.М. Дьяконовым³⁷. В кратчайшем изложении выводы этой главы сводятся к следующему. Подлинная исконная форма интересующего нас этнонима – *Gime(i)g- (с. 152 = с. 158). Все предлагавшиеся до сих пор его этимологии не соответствуют этой реконструкции и потому должны быть отвергнуты. Предлагать же новую этимологию в условиях, когда не ясна этнолингвистическая принадлежность самих киммерийцев и нет надежных данных для ее определения, не имеет смысла. Что касается широко распространенного мнения об ираноязычии киммерийцев, то оно опирается главным образом на экстралингвистические данные. Однако предположение об этнокультурной близости киммерийцев и скифов и о принадлежности как тех, так и других, к иранскому миру остается все же наиболее вероятным (с. 153 сл. = с. 153–160).

Все изложенное выше, надеемся, позволило читателю убедиться, что в монографии А.И. Иванчика подняты ключевые вопросы, связанные не только с пребыванием киммерийцев в Передней Азии, но и с историей этого народа в целом, а также предложены оригинальные и заслуживающие пристального внимания решения многих из них. Безусловно, появление этой ценной работы значительно активизирует исследование дискуссионных аспектов киммерийской проблемы. А таковых по-прежнему остается немало. Продолжает их разработку и сам автор.

Так, им уже опубликованы некоторые уточнения текстологического плана к документам № 11 и 51, основанные на неизвестных ему в момент завершения книги колляциях³⁸. Еще существует, что А.И. Иванчик приступил к новому этапу своей работы над проблемой. Если в монографии высказывается убеждение, что «идентификация киммерийцев с какой-либо археологической культурой на нынешнем уровне исследования представляется преждевременной», поскольку эта задача «может быть решена лишь после того, как будут установлены районы их достоверной локализации», что в свою очередь достижимо лишь «в результате исследования письменных источников, упоминающих исторических киммерийцев» (с. 12 = с. 15), то в самое последнее время он обратился и к этому аспекту изучения киммерийцев³⁹. Вопрос этот тесно связан с толкованием происхождения киммерийцев, в частности, с оценкой меры достоверности античной традиции об их пребывании в Северном Причерноморье. Поскольку, как уже было сказано, эта традиция, так же как археологический аспект киммерийской проблемы, явилась предметом исследования в монографии трех петербургских исследователей⁴⁰, оценку новейших построений А.И. Иванчика представляется целесообразным объединить с рассмотрением этой книги, которое авторы предполагают предложить читателям «Вестника древней истории» в ближайшее время.

Э.А. Грантовский, М.Н. Погребова, Д.С. Раевский

³⁶ Дьяконов. К методике... С. 94–97.

³⁷ Он же. Киммерийцы и скифы на древнем Востоке // РА. 1994. № 1. С. 109.

³⁸ Ivantchik A. Corrigenda aux textes akkadiens mentionnant les Gimmériens // NABU. 1993. № 2. P. 39–41. Этим обусловлены, в частности, изменения в интерпретации текста № 12 в русском варианте свода и его перемещение в составе свода по сравнению с франкоязычным изданием (см. прим. 7).

³⁹ Иванчик А.И. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. I. Киммерийские памятники Передней Азии // ВДИ. 1994. № 3; То же. II. «Раннескифские» находки в Малой Азии // ВДИ. 1995. № 1.

⁴⁰ Алексеев, Качалова, Тохтаев. Ук. соч.

P.S. Недавно опубликована (ВДИ. 1997. № 2) принадлежащая перу польского исследователя С. Завадского рецензия на франкоязычную версию книги А.И. Иванчика. В ряду заслуженных похвал в ее адрес здесь содержится оценка предпринятой автором «попытки обнаружить основу геродотовой хронологии лидийской и мидийской истории» как одного из наиболее важных открытий исследователя.

Поскольку одного из авторов данной статьи – Э.А. Грантовского – уже нет с нами, М.Н. Погребова и Д.С. Раевский считают своим долгом напомнить тот, вероятно, неизвестный зарубежному рецензенту факт, что в освещении названной проблемы А.И. Иванчик во многом следовал направлению, предложенному Э.А. Грантовским в 1980-х гг. Рукопись его монографии тогда обсуждалась на заседании Отдела Древнего Востока ИВ АН СССР; соответствующий раздел ее позже был опубликован в виде упомянутой выше статьи (Российская археология. 1994. № 3). В связи с этим приведенный пассаж рецензии С. Завадского может невольно поставить А.И. Иванчика в ложное положение перед памятью его учителя и научного руководителя.

CIMMERIANS IN THE NEAR EAST (REVIEW OF A MONOGRAPH)

E.A. Grantovsky, *M.N. Pogrebova*, *D.S. Raevsky*

The paper presents a review of A. Ivanchik's monograph «Les cimmériens au Proche-Orient». Fribourg-Göttingen, 1993.

The reviewers focus on the issues concerning the «Cimmerian's» stay in the Middle East.

Recognizing the value of A. Ivanchik's book, they nevertheless set forth their own reflections on the suggested localization of the country of Gamir known from the Assyrian texts of the Sargon II reign.

They also question the possibility of a clear-cut distinction between the Scythians and the Cimmerians in Assyrian sources and argue that Teushpa's Cimmerians formed a stable political unit in eastern Asia Minor.

The reviewers are sceptical about the alleged interaction of geographically remote groups of the Cimmerians.